

Источник: Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. "Художник РСФСР". Ленинград. 1965. Издание пятое
OCR Ловецкая Т. Ю.

Лев Николаевич Толстой, обходя как-то передвижную выставку, сказал: "Что это вы все браните Волкова, не нравится он вам? Он -- как мужик: и голос у него корявый, и одет неказисто, а орет истинно здоровую песню, и с любовью, а вам бы только щеголя во фраке да арию с выкрутасами".

Пожалуй, оно так и было. Волков был неотеса, у него "было нутро", чувствовалось, что он переживает, любит природу; где-то далеко, далеко скрыта настоящая нота, но то, что он передает, не отделано по-настоящему, еще сыро, грубо, не щеголевато. Просто мужик в искусстве.

Но люди, соприкасавшиеся с природой, бродившие на охоте по болотам, опушкам леса, лугам, хотя бы случайно наблюдавшие утренние, вечерние зори и не искушенные в тонкостях искусства, любили пейзажи Волкова. Они подпевали народной песне Волкова.

Был он высокий, худой, голова лысая, узкая борода до пояса, усы такие длинные, что он мог заложить их за уши, длинные брови. Сюртук висел, как на вешалке. Сырым и даже мало толковым казался Волков и в разговоре. Подойдет к столу, забарабанит костлявыми пальцами и заговорит, а о чем -- не скоро поймешь.

"Ну да... оно, положим... нет, вот что я вам скажу... например, как к тому говорится". А суть в том, что он хочет назначить цену своим вещам и боится продешевить. И снова начинается: "Я говорю так... но может быть... ведь действительно, как сказать?... может случиться... сам посуди..."

Тянет душу, пока не оборвешь его: "Ефим Ефимович, говори скорее, сколько назначаешь?" А он и тут со вступлением: "Нет, ты -- вот что: по-товарищески посоветуй, потому что думаешь, предположим, так..."

Вот мучитель!

На Евфимия, 1 апреля, в день именин звал нас к себе и угощал вкусным обедом. К этому дню его знакомый рыбак готовил необыкновенную рыбу такой величины, что приходилось заказывать отдельную посуду для ее варки. Его прислуга, необычайно вкусно готовившая кушанья, жаловалась даже: "Достанет же Ефим Ефимович рыбешку -- хоть в ванне вари, ни в одной посуде не помещается".

Полагалось и возлияние за обедом: наливки и хорошие вина в размере "самый раз". В комнатах у него был набор мебели и инструментов разной величины и разных стилей. Рояль, фисгармония, на которых никто (кроме гостей) не играл, японские дорогие ширмы и мебель, которые он менял на картины у моряков. На мольбертах в широких золоченых рамах неоконченные картины, о которых Волков советовался с гостями, хотя никаких советов не принимал.

Гостям приходилось соглашаться с объяснением автора и хвалить, и тогда тот успокаивался и ворчал лишь: "Нет, вы действительно так, то есть как сказать..."

После обеда -- кофе, табак и воспоминания.

Спрашиваю: -- Ефим Ефимович, скажи, кто ты такой есть?

А Ефим: -- То есть откуда произошел?

И с вводными, вставными словечками рассказывал:

-- Родители бедные, семья, помогать надо, поступил из средней школы в департамент окладных сборов. Ну, да как тебе сказать -- и сам плохо работал, а тут еще помогать другому пришлось, который совсем ничего не делал, а только свистал.

-- Кто же это свистал?

-- Да все тот же Чайковский! Со мною сидел, лентяй, не записывает входящие, а знай -- насвистывает! Ну, при сокращении штатов нас первыми с ним и выгнали. Свистун поступил в консерваторию, а я бродил вокруг Академии художеств, близко от дома, и поступил туда. А потом на конкурсе в Обществе поощрения получил премию за картину. Выбрали в члены передвижников, вот тут, конечно, оно того, лучше, то есть, как тебе сказать...

Через двадцать лет, по рассказам Брюллова, Волков в его доме встретился с Чайковским. Тот сразу узнал Ефима Ефимовича:

-- Это вы, Волков?

-- А это ты, Чайковский?

Чайковский повис на тонкой шее пейзажиста Волкова, а тот автору "Онегина" прямо в ухо нескладным голосом запел: "Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни".